

ФЕДОР НИКИТИЧ ДВИНЯТИН

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
f.dvinyatin@spbu.ru

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ГРАММАТИКА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Представляется необходимым определить фундаментальные параметры нейтрального, стандартного грамматического наполнения русских поэтических текстов, в том числе в диахронии. Это может помочь выявить точку отсчета для грамматико-поэтического анализа отдельных текстов, соблюдающих количественно-грамматическую конвенцию или в той или иной мере отклоняющихся от нее. В статье обсуждается процедура выделения основных морфологических классов, своего рода укрупненных частей речи, а также гипотеза устойчивости долей этих классов в большинстве пространственных текстов и корпусов: около 42 % субстантивов, 21 % глаголов, 27 % прилагательных и наречий в слоговом исчислении. Второй случай – динамика количественного распределения личных форм глаголов, времен и наклонений в русской поэтической традиции в целом, от поэтов XVIII века (приблизительно 50 % настоящего времени и 20–25 % прошедшего) через пушкинских современников (соответственно ~37 и ~39 %) до стихотворений Бродского (соответственно 56 и 23 %). Третий обсуждаемый случай – такой сильный стилевой маркер, как доля оборотов с приименным беспредложным родительным в поэтических текстах XVIII–XX веков.

Ключевые слова: количественная грамматика поэтического текста, грамматика, поэтика, русская поэзия, части речи, глагол, родительный падеж

Для цитирования: Двинятин Ф. Н. Количественная грамматика поэтического текста: некоторые предварительные итоги // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 48–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.351

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной филологической традиции, на пересечении лингвистики, стиховедения и поэтики, существует ряд влиятельных и продуктивных подходов к изучению морфологического уровня поэтического текста. «Грамматика поэзии» Р. О. Якобсона [14], [15] и др., основополагающая роль которой очевидна, в принципе нацелена на выявление уникальной грамматической структуры каждого анализируемого текста и не предназначена для конструирования какого-либо усредненного, нейтрального, стандартного морфологического стандарта поэтического текста. «Лингвистика стиха» М. Л. Гаспарова, Т. В. Скулачевой [1] и др. и их коллег оперирует, как и принято в стиховедении, исходными усредненными данными, для сопоставления с ними показателей по отдельным текстам, но «лингвистика стиха» изучает пограничное взаимодействие языка и стиха, и ее внимание традиционно приковано к тонким сдвигам на этом пограничье, к тому же задаваемым именно стиховой природой поэтического текста. Развернутые исследования отдельных граммем в поэтическом тексте, их распределения и семантики, подобные изысканиям Я. И. Гина [2], [3], [4], Л. В. Зубовой [11] и др. или А. К. Жолковского [10] и др., имеют дело с выделенными явлениями и весьма редко нуждаются в подсчетах и прибегают

к ним. Тотальные и количественные обследования синтаксического устройства поэтических текстов, предпринимаемые Н. В. Патроевой [12], [13] и др. и ее коллегами, лишь отчасти касаются морфологического наполнения этих текстов. А между тем задача массового, фронтального описания грамматических уровней поэтического текста – особенно морфологического – вполне может быть поставлена.

Грамматика обладает некоторыми характеристиками, позволяющими сопоставить ее со стихом гораздо более обоснованно, чем это было бы по отношению к звуковому или лексическому уровням. Репертуар фонем слишком невелик, лексем – слишком велик, а основных грамматических явлений – как раз находится в пределах тех средних значений, которые делают исследование одновременно возможным и продуктивным. Поэтика отчасти потому так последовательно интересуется семантизацией и специальной организацией звучания в поэзии, что в целом в языке звук лишь отчасти соотношен со значением и обычно не является областью специального подбора; лексика (а отчасти и синтаксис) вся погружена в область семантического и тематического и является предметом селекции; грамматика (прежде всего морфология) и здесь интригующе занимает среднее положение между необходимостью и свободой,

между тесной связью с темой и отсутствием такой связи. Помимо всего прочего, это дает возможность применить методы, родственные методам классического русского стиховедения: массовые подсчеты, выведение средних показателей и сопоставление с ними данных по отдельным текстам и подкорпусам, внимание к исторической динамике и индивидуальным профилям изучаемых авторов.

Перед подходом, который можно называть количественной грамматикой поэтического текста (КГПТ), стоит ряд ближайших задач, вытекающих как из сплошного обследования поэтической традиции в ее грамматическом измерении, так и из поиска и изучения специфических явлений грамматической организации текста, которые могут с пользой изучаться при помощи подсчетов. Характерная задача первого рода – изучение ранних, жанровых этапов русской лирики в аспекте использования базовых, текстообразующих форм глагола; проблема второго типа – историческое и стилистическое исследование оборотов с приименным беспредложным родительным типа «память сердца». Но возможна постановка и более общей проблемы. Какое распределение различных частей речи является стандартным, нормальным, усредненным для русского поэтического текста и существует ли вообще такая точка отсчета, с которой можно было бы сопоставлять подсчеты по отдельным текстам и констатировать, например, что «глаголов здесь немного меньше, чем в среднем»? Скажем, для звуков со времени по крайней мере Пешковского такая задача фактически решена, для словаря едва ли разрешима, а вот для грамматики? Если сопоставлять данные по традиционно выделяемым частям речи, то может создаться впечатление, что расхождения по разным текстам настолько значительны, что за ними не просматривается никакого единства, что попытки его найти – это, используя расхожую метафору, что-то вроде выявления «средней температуры по больнице». Однако не запрещены попытки такого, восходящего к Гёте, морфологического подхода (невольный каламбур, не в лингвистическом, а в общеметодологическом смысле морфологического подхода – как он был применен Андреем Белым к стиху и В. Я. Проппом к сюжетам волшебных сказок: за инвариантом четырехстопного ямба Белый усмотрел множество вариантов, за вариантами сказочных сюжетов Пропп выделил единый инвариант). Задачей морфологического в гетеанском смысле метода в области поэтической грамматики было бы выделение таких грамматических структур, которые бы работали как инварианты, то есть давали по возможно большей доле текстов возможно более ровные показатели. Это было бы не насилием над материалом, а поиском законов в беззаконье. Разумеется, необходимы оговорки:

во-первых, даже и самое успешное из таких решений едва ли смогло бы подверстать к общему правилу тексты экспериментальные и грамматически резко своеобразные, с этим приходится смириться заранее; во-вторых, реальное грамматическое разнообразие текстов при таком подходе должно рассматриваться как вторичное, как область вариантов внутри некоей выделенной инвариантности; в-третьих, такой подход, как это и принято в стиховедении, имеет смысл при принятии модели, которую математики называют игрой с нулевой суммой.

Первые результаты обсчета по основным морфологическим классам представлены в работе [8]. Методом круга, следя за тем, какие грамматические явления подменяют друг друга в тексте и могут быть, таким образом, зачислены в один класс, какова в этой области дистрибуция, можно прийти к следующим упрощениям традиционно набора частей речи. Местоимения признаются классом семиотических и семантических вариантов и исключаются из области инвариантов. Они понятным образом делятся на субстантивные и адъективные. Причастия и деепричастия также расформировываются как отдельные классы и распределяются в области предикатов и атрибутов. Занимающие малый объем и обычно не слишком информативные в плане общей грамматической организации текста служебные части речи рассматриваются скопом. Наконец, поскольку просматривается заметная корреляция между употреблением в тексте адъективных и адвербиальных элементов, они зачисляются в один класс.

В результате возникает следующая четырехчленная система.

- 1) Субстантивы, а именно все имена существительные и все субстантивные местоимения.
- 2) Глаголы, а именно все личные формы глагола, инфинитивы, деепричастия и страдательные причастия в предикативной функции.
- 3) Адъективно-адвербиальные слова, а именно все прилагательные, адъективные местоимения, причастия, кроме страдательных в предикативной функции, и наречия.
- 4) Служебные части речи.

В подсчетах, предпринятых в рамках этой работы, во-первых, частеречная принадлежность всех слов понималась по возможности буквально; все трансляции-транспозиции, вроде субстантивации прилагательных, констатировались только в надежных случаях. Все вторичные сращения, вроде вводных слов, рассматривались аналитически, поэлементно, а элементы, в свою очередь, по их исходной, буквальной частеречной принадлежности. Впрочем, общая доля всех этих спорных случаев не превышала один процент материала, и, будь принято какое-либо альтернативное решение, оно не слишком бы изменило итоговые показатели. Гораздо более принципиально следующее решение. Для того чтобы,

во-первых, но отнюдь не в-главных, упростить процедуру подсчета, а во-вторых и в-главных, чтобы подчеркнуть и обнажить принцип игры с нулевой суммой, когда увеличение доли одного класса неизбежно сопровождается снижением доли остальных классов, всех или некоторых, был избран метод подсчета не по количеству слов, а по количеству слогов, занимаемых ими. Все-таки количественная грамматика поэтического текста работает с текстами стихотворными и учится у стиховедения. Скажем, в онегинской строфе 118 слогов; если субстантивами занято 48, на долю глаголов, адъективно-адвербиальных и служебных слов остается 70 слогов, и так далее.

Вот некоторые иллюстрации того, как это делается. В данном случае S-слова оставлены без выделения; V-слова выделены курсивом, А-слова – подчеркиванием, Х-слова – полужирным, остающиеся вне подсчета неслогообразующие элементы перечеркнуты.

«Парус» Лермонтова:

*Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что *ищет* он в стране далекой?
Что *кинул* он в краю родном?..
Играют волны – ветер *свищет*,
И мачта *гнется* и *скрытит*..
Увы! он счастья *не ищет*,
И не от счастья *бежит!*
Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой..
А он, мятежный, *просит* бури,
Как будто в бурях *есть* покой!*

Итого: всего 102 слога, 45 слогов S-слов, 32 V, 20 A, 14 X, или, в процентах, приблизительно 44,1 % S, 22,6 % V, 19,6 % A, 13,7 % X.

«На стог сена...» Фета:

На стог сена ночью южной
Лицом **ко** тверди я *лежал*,
И хор светил, живой и дружный,
Кругом *раскинувшись*, *дрожал*.
Земля, как смутный сон немая,
Безвестно *уносила*сь *прочь*,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо *увидел* ночь.
Я *ль несся* к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд **ко** мне *неслись?*
Казалось, будто в длани мощной
Над *этой* бездной я *повис*.
И *е* *замираю*м и *смятен*юм
Я *взором мерил* глубину,
В *которой* *е* *каждым* я мгновеньем
Всё невозвратнее *тону*.

Два как из второй строфы по вышеописанному правилу принимаются за маркеры обстоятельственной группы; всё из четвертой строфы – частица. Итого: всего 136 слогов, 54 слогов S-слов, 28 V, 41 A, 13 X, или, в процентах, приблизительно 39,7 % S, 20,6 % V, 30,1 % A, 9,6 % X.

«Когда в тоске самоубийства...» Ахматовой:

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких *ждал*,
И дух суровый византийства
От русской Церкви *отлетал*,
Когда приневская столица,
Забыв величие свое,
Как опьяненная блудница,
Не *знала*, кто *берет* ее,
Мне *голос был*. Он *звал* утешно,
Он *говорил*: «*Иди сюда*,
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я *кровь от* рук твоих *отмою*,
Из сердца *выну* черный стыд,
Я новым именем *покрою*
Боль поражений и обид». **Но** равнодушно и спокойно
Руками я *замкнула* слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не *осквернился* скорбный дух.

Итого: всего 170 слогов, 65 слогов S-слов, 36 V, 58 A, 11 X, или, в процентах, приблизительно 38,2 % S, 21,2 % V, 34,1 % A, 6,5 % X.

«Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» Ломоносова:

Лице свое *скрывает* день:
Поля *покрыла* мрачна ночь;
Взошла на горы чорна тень;
Лучи от нас *склонились* прочь;
Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.
Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкой прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!
Уста премудрых нам *глаголют*:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там *горят*,
Народы там и круг веков:
Для общей славы Божества
Там равна сила естества.
Но *где ж*, натура, твой закон?
Е полночных стран *встает* заря!
Не солнце *ль ставит* там свой трон?
Не ль ль *листы* ль *меи* ут *огнь* моря?
Се хладный пламень нас *покрыл!*
Се в ночь на землю день *вступил!*
О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вы *знаете* пути планет;
Скажите, что наш ум *мятет?*
Что *зыблет* ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь *разит?*
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как *может* быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы *рожда*л пожар?
Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи *блестят*,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор *верхи* *горят*;
Иль в море *дуть* *престал* зефир,
И гладки волны *бьют* в эфир.

Сомнений полон ваш ответ
О том, что **окрест** ближних мест.
 Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
 Кто ж знает, коль велик Творец?

Итого: 384 слога, 168 слогов S-слов, 80 V, 110 A, 26 X, или, в процентах, приблизительно 43,7 % S, 20,8 % V, 28,7 % A, 6,8 % X.

Представляемые подсчеты основаны на корпусе из ста русских поэтических текстов XVIII–

XX веков, шестидесяти двух поэтов от Ломоносова до Бродского (список и комментарии к нему см. [8]).

Главным итогом представляется чрезвычайная солидарность окончательных данных. Безусловно, сто стихотворений дают достаточно разнообразную картину. Однако, во-первых, данные пространных текстов, включенных в материал, несравненно более единообразны. Данные подкорпусов еще более единообразны. Результаты представлены в краткой таблице (табл. 1).

Таблица 1

Распределение основных морфологических классов в исследовательском корпусе, подкорпусах и отдельных пространных текстах

	%S	%V	%A	%X
Все тексты по общему количеству слогов	41,7	21,9	27	9,4
Все тексты в среднем	42,2	21,2	27,3	9,3
Первые 25 текстов («классицизм»)	41,8	22,15	27,65	8,4
Вторые 25 текстов («романтизм»)	40,8	22,5	27	9,7
Третьи 25 текстов («постсимволизм»)	41,5	21,6	27,2	9,7
Четвертые 25 текстов («актуальное»)	42,7	20,9	26	10,4
Ямб (45 текстов)	41,6	21,4	27,7	9,3
Хорей (21 текст)	42,7	22,3	25,6	9,4
Трехсложники (13 текстов)	40,8	20,9	28,5	9,8
Прочие формы стиха (21 текст)	41,9	23,4	25,4	9,3
Ломоносов, «Ода 1747»	40,6	21,7	31,3	6,4
Жуковский, «Сельское кладбище»	40	22,3	30,6	7,1
Баратынский, «Осень»	39,9	18	34,1	8
Маяковский, «Юбилейное»	39,9	22,3	25,5	12,3
Твардовский, «Я убит подо Ржевом»	37,3	19,5	29,9	13,3
Ахмадулина, «Это я»	40,4	20,6	25,1	13,9

Явное большинство текстов лишь ненамного отклоняется от средних показателей. Например, отсекая сверху и снизу по 25 (наиболее отклоняющихся по данному параметру) текстов и присматриваясь к средней полусотне, можно заметить, что для субстантивов колебание охватывает промежуток от 39,4 до 44,6 %, а для глаголов – от 17,8 до 24,4 %. Реальное грамматическое разнообразие поэтических текстов в представляемой модели рассматривается на втором уровне, уже внутри основных классов: скажем, 22 % глагольных форм (в слоговом исчислении) – это и инфинитивы, и деепричастия, и глагольные формы разных времен и лиц; текст от текста, манера от манеры отличаются этим «внутренним» распределением. Как явление конкуренции грамматических форм внутри классов может быть описано соотношение имен и местоимений, прилагательных и наречий и т. д. Единственный

более или менее последовательный диахронический процесс, который читается в материале, – это неуклонное, хотя и на уровне средних чисел небольшое, возрастание доли служебных слов. В остальном, как кажется, можно говорить о константах, в целом охватывающих все три века новой русской поэзии.

Подсчеты на разнообразном материале могут выявить и иную тенденцию: не константность, а расхождение и эволюцию. Так, например, довольно сильным маркером поэтических эпох, жанров и авторских манер представляется количество оборотов с беспредложным приименным родительным падежом типа *память сердца*. В принципе русская речь может обходиться почти совершенно без этих оборотов (по-видимому, наиболее их трудноустранимой разновидностью являются обороты с количественным значением), так что неудивительно, что в поэтической

традиции есть некоторые зоны их незначительного или даже минимального присутствия: таким фоновым показателем можно считать один оборот подобного типа на 100 слогов поэтического текста (подсчеты и комментарии к ним см. в работах: [5], [7], [9]). В целом к этому стандарту тяготеют тексты: предназначенные для детского чтения; стилизующие фольклор, народную речь и просторечие; собственно нарративные, чуждые медитативного и риторического элемента, прежде всего басни и большого баллада; в значительной степени – относящиеся к середине и второй половине XIX века. Напротив, манера поэтического изложения, сложившаяся в оде XVIII века, продолжаемая в элегии и послании романтической эпохи, переходящая в философскую и медитативную лирику раннего пост-жанрового периода, использует эти обороты гораздо – в два-три-четыре раза – более щедро. В целом на сегодня полуторавековая диахрония частотности генитивных оборотов представляется следующей: по-видимому, для XVIII века (оды Ломоносова и Державина, «Россиада» Хераскова) средней мерой окажется 1 оборот на 60 слогов, то же в среднем для Жуковского, но для не-балладных стихотворений Жуковского и также в среднем для поэтов первых десятилетий XIX века – уже существенно гуще, 1 оборот на 40 слогов; для Батюшкова – еще гуще, 1 оборот приблизительно на 30 слогов (из 20 обчисленных стихотворений Батюшкова в 17 наблюдается еще большая плотность, но в трех искомые обороты заметно реже); для Пушкина – в среднем 1 оборот на 50 слогов. Иными словами, в тексте объемом примерно 120 слогов поэт XVIII века и Жуковский в среднем используют 2 таких оборота, поэт начала XIX века и Жуковский как элегик – 3, Батюшков – 4, Пушкин (в среднем) – 2–3. В обчисленных стихотворениях Лермонтова более 280 оборотов подобного типа, слоговой объем корпуса – около 16 тысяч слогов, таким образом, один оборот приходится приблизительно на 57 слогов. Лермонтов возвращается к средним нормам XVIII века и Жуковского (с учетом баллад). Кульминация, таким образом, падает на Батюшкова (*служитель алтарей // Богини неги и прохлады* – три оборота, вложенных один в другой) и некоторых близких ему поэтов; затем следует постепенное накопление у зрелых и поздних романтиков жанровых, стилевых, идиостилевых областей, практически свободных от генитивных оборотов; новое обращение к ним происходит в эпоху символизма с последующим образованием и новых кульминаций в их использовании – к числу этих несхожих кульминаций относятся венки сонетов Волошина и «кубистические» стихи раннего

Маяковского. Если для церковнославянского и древнерусского, где подобные обороты тоже используются, более или менее очевиден греческий языковой подтекст, то для русского XVIII–XX веков, помимо влияния церковнославянского, можно предположить французское или даже – учитывая, например, роль Ломоносова – немецкое языковое влияние.

Одной из наиболее ярких закономерностей, выявляемых КГПТ, оказывается эволюция стандартных соотношений личных глагольных форм в поэтическом тексте. Эти стандарты касаются в первую очередь времени и наклонения глагола. Выделяются пять общих позиций: три времени изъявительного наклонения, повелительное наклонение и сослагательное наклонение. Неудивительно, что именно распределение форм глагола представляет наглядный материал. Глагол в текстах в значительно большей мере, чем имя, склонен к серийности. Имя в своих грамматических проявлениях в меньшей степени зависит от предметной ситуации. Глагольная грамматика предоставляет пишущему большую свободу выбора. По всем этим причинам некоторые предпочтения в области глагольной грамматики, свойственные разным авторам, эпохам, стилям или жанрам, действительно могут существовать. Напротив, было бы удивительно, если бы их не было, если бы все частные, локальные предпочтения гасились бы усредняющей логикой языка, в который было бы заложено стандартное соотношение глагольных форм, сказывающееся на достаточных объемах текста. Действительно, этот параметр в русской поэтической традиции является не константным, а эволюционирующим (некоторые итоги подсчетов и ссылки на предшествующие публикации результатов: [6]). Для XVIII века выявлен «одический стандарт», наиболее надежно описанный на материале 20 од Ломоносова и 10 од Державина: для него характерно примерно 50 %-ное количество форм настоящего времени, 20–25 % форм прошедшего времени при довольно существенной доле ирреальных наклонений. Близкие значения дает панегирическая поэзия Симеона Полоцкого, писавшего почти за 100 лет до расцвета русской оды и на другом (новоцерковнославянском) языке (42,8 % настоящего, 25,1 % всех прошедших времен, 20,5 % ирреальных наклонений). Данные стабилизируются на уровне корпуса: колебания от оды к оде у Ломоносова значительны (хотя презенс всегда на первом месте), а у Державина выделяются три типа текстов с тремя конфигурациями времен и наклонений. При переходе к XIX веку наблюдается резкое изменение: доли прошедшего и настоящего времени примерно равны, но прошедшего всегда на несколько

процентов больше; в среднем – 41 и 39 % соответственно; доля ирреальных наклонений падает. Как можно судить по выборочным подсчетам, этот новый стандарт доминирует до поколения Бродского, у которого в «Части речи» и первой

части «Урании» ~56 % настоящего времени и ~23 % прошедшего (что близко XVIII веку) – можно было бы сослаться на архаизм и классицизм Бродского, у Вознесенского (табл. 2) этот процесс представлен еще более резко.

Таблица 2

Распределение личных форм глагола (прош., наст. и буд. вр. изъявит. накл., повелит. и сослагат. накл.) у некоторых авторов и в некоторых корпусах

	Прош.	Наст.	Буд.	Повелит.	Проч.
Ломоносов, 20 од	21,4	50,6	8,9	15,5	3,6
Державин, 10 од	23,5	49,5	6,5	9	11,5
Батюшков, «Опыты в стихах и прозе» без «Странствователя и домоседа»	41	34,5	12,3	10,1	2,1
Батюшков, раздел «Элегии» из «...Опытов»	41	34	14	10	1
Батюшков, разделы «Послания» и «Смесь» из «Опытов...»	40	35	12	10	3
Пушкин, 100 стихотворений 1814–1836	39,35	36,9	11,6	9,95	2,2
Баратынский, «Сумерки» и позднее	34	40	15,2	8,1	2,7
Бенедиктов, 48 текстов из сборника 1835	41	36,35	13	6,95	2,7
Тютчев, 100 стихотворений 1825–1850	44,3	40,3	7,1	6,6	1,7
Лермонтов, 50 стихотворений	40,9	39,1	10,3	7,5	2,2
Бродский, «Часть речи» и первая часть «Урании»	23	55,5	11,5	5	5
Вознесенский, «Треугольная груша»	24	63	6,5	6,5	~0

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История количественных параметров русской поэтической грамматики в ее эволюции выявлена еще довольно фрагментарно. Необ-

ходимы поиск новых релевантных параметров, новые подсчеты, заполнение лакун и концептуальные объяснения выявляемых закономерностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2005. 288 с.
2. Гин Я. И. Поэтика грамматического рода. Петрозаводск: КГПИ, 1992. 168 с.
3. Гин Я. И. Проблемы поэтики грамматических категорий. СПб.: Академический проект, 1996. 224 с.
4. Гин Я. И. О поэтике грамматических категорий. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 285 с.
5. Двинятин Ф. Н. Вторая кульминация генитивной поэтики. Маяковский // Дело авангарда. The Case of the Avant-Garde. Amsterdam: Pegasus, 2008. С. 81–111.
6. Двинятин Ф. Н. Количественная грамматика и поэтика личных форм глагола в «Гусли доброголасной» Симеона Полоцкого // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2015. Vol. 4. No 1. С. 159–169.
7. Двинятин Ф. Н. Обороты с родительным приименным беспредложным: о поэтико-грамматической чуткости Тимура Кибирова // Подробности словесности: Сб. ст. к юбилею Л. В. Зубовой. СПб.: Свое издательство, 2016. С. 119–127.
8. Двинятин Ф. Н. Распределение основных морфологических классов в русском поэтическом тексте // Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание: Коллективная монография / Сост. Я. Левченко, И. Пильщиков. М.: НЛЮ, 2017. С. 622–632.
9. Двинятин Ф. Н. Генитивные обороты: поэтико-грамматическая модель и ее возможные французские прототипы // Литературный трансфер и поэтика перевода. Transfer literacki i poetyka przekładu. М.: Азбуковник, 2017. С. 271–280.
10. Жолковский А. К. Бродский и инфинитивное письмо // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 187–198.
11. Зубова Л. В. Современная русская поэзия в зеркале истории языка. М.: НЛЮ, 2010.
12. Патроева Н. В. Поэтический синтаксис: категория осложнения. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 334 с.
13. Синтаксический словарь русской поэзии XVIII в.: В 4 т. / [Под ред. Н. В. Патроевой]. Т. 1. Кантемир, Тредиаковский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 581 с.
14. Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии [1961] // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 462–482.
15. Jakobson R. Selected Writings: Poetry of grammar and grammar of poetry. Vol. 3. [S. l.]: Mouton, 1981.

Поступила в редакцию 07.05.2018

Fedor N. Dviniatin, PhD in Philology, Saint Petersburg University
(St. Petersburg, Russian Federation)

QUANTITATIVE GRAMMAR OF POETICAL TEXT: SOME PRELIMINARY RESULTS

It is necessary to determine the most fundamental parameters of neutral, standard grammatical embodiment of Russian poetical texts, panchronically as well as diachronically. It may help to define the starting point for grammatical and poetical analysis of different texts, complying with quantitative grammar convention or deviating from it to a certain degree. The paper discusses the procedure of distinguishing main morphological classes – enlarged parts of speech – and the hypothesis of these units stability in most of the extensive texts and corpora: about 42 % substantives, 21 % verbs, and 27 % adjectives and adverbs in syllabic measuring. The second discussed case is the dynamics of the quantitative ratio of finite verb forms, times and moods in Russian poetical tradition from the eighteenth-century poets (about 50 % of verbs are in the present tense, and 20–25 % are in the past tense) through Pushkin's contemporaries (~37 % and ~39 %, respectively) to Brodsky's poems (56 % and 23 %, respectively). The third discussed case is the portion of constructions with non-prepositional genitive case in the poetical texts between the XVIII and the XX centuries as a strong stylistic marker.

Key words: quantitative grammar of poetical text, grammar, poetics, Russian poetry, parts of speech, verb, genitive

Cite this article as: Dviniatin F. N. Quantitative grammar of poetical text: some preliminary results. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 48–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.351

REFERENCES

1. Gasparov M. L., Skulacheva T. V. Articles on the linguistics of the verse. Moscow, 2005. 288 p. (In Russ.)
2. Gin Ya. I. Poetics of grammatical gender. Petrozavodsk, 1992. 168 p. (In Russ.)
3. Gin Ya. I. The problems of poetics of grammatical categories. St. Petersburg, 1996. 224 p. (In Russ.)
4. Gin Ya. I. The poetics of grammatical categories. Petrozavodsk, 2006. 285 p. (In Russ.)
5. Dviniatin F. N. The second culmination of genitive poetics. Mayakovskiy. *The case of the avant-garde*. Amsterdam, 2008. P. 81–111. (In Russ.)
6. Dviniatin F. N. The quantitative grammar and poetics of finite verb forms in *Gusl' Dobroglasnaia* by Simeon Polotsky. *Slověne = Slovъne. International Journal of Slavic Studies*. 2015. Vol. 4. No 1. P. 159–169. (In Russ.)
7. Dviniatin F. N. Constructions with adnominal non-prepositional genitives: poetical and grammatical sensitivity of Timur Kibirov. *Podrobnosti slovesnosti: Collection of articles commemorating L. V. Zubova's anniversary*. St. Petersburg, 2016. P. 119–127. (In Russ.)
8. Dviniatin F. N. The distribution of main morphological classes in Russian poetical text. *Epokha "ostraneniya". Russkiy formalizm i sovremennoe gumanitarnoe znanie: Collective monograph*. (Ya. Levchenko, I. Pil'shnikov, Comp.). Moscow, 2017. P. 622–632. (In Russ.)
9. Dviniatin F. N. Genitive constructions: poetical and grammatical model and its possible French origins. *Literaturnyy transfer i poetika perevoda. Transfer literacki i poetyka przekladu*. Moscow, 2017. P. 271–280. (In Russ.)
10. Zholkovskij A. K. Brodsky and infinitive writing. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2000. No 45. P. 187–198. (In Russ.)
11. Zubova L. V. Modern Russian poetry in the mirror of language history. Moscow, 2010. (In Russ.)
12. Patroeva N. V. Poetical syntax: category of complication. Petrozavodsk, 2002. 334 p. (In Russ.)
13. The syntactic dictionary of Russian poetry of the XVIII century: In 4 vols. Vol. 1: Kantemir, Trediakovskiy. (N. V. Patroeva, Ed.). St. Petersburg, 2017. 581 p. (In Russ.)
14. Jakobson R. Poetry of grammar and grammar of poetry. *Semiotika*. Moscow, 1983. P. 462–482. (In Russ.)
15. Jakobson R. Selected Writings: Poetry of grammar and grammar of poetry. Vol. 3. [S. I.]: Mouton, 1981.

Received: 7 May, 2018